

**Читайте романы
Ирины Мельниковой –
прекрасные истории о вере,
надежде и любви**

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

В соавторстве
с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Неоконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедиа
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

Ирина
МЕЛЬНИКОВА
Георгий **ЛАНСКОЙ**

Ярость валькирии

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *Н. Никоновой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Ярость валькирии : [роман] / Ирина Мельникова, Георгий Ланской. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Его величество случай).

ISBN 978-5-699-88639-5

Полиции становилось все труднее держать это дело в тайне. Страшно представить, какая паника начнется в городе, если станет известно о том, что какой-то маньяк нападает на женщин и режет им лица скальпелем. Жертвы оставались в живых, но были страшно изуродованы... Журналиста Никиту Шмелева коварно уволили из родной газеты. Теперь, чтобы остаться на плаву и найти новую работу, ему кровь из носу нужен эксклюзивный сенсационный материал! Когда к нему в руки случайно попала информация о маньяке, он понял, что просто обязан провести журналистское расследование параллельно с полицией. Тем более очередная жертва оказалась крупной чиновницей и после нападения не выжила...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88639-5

© Мельникова И., Ланской Г., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Снег поскрипывал под ногами. Легкий морозец был даже приятен после духоты и тяжелых запахов квартиры, которую она недавно покинула. Небо очистилось от туч, и над головой, в черном, как гуталин, пространстве, сверкали яркие мохнатые звезды. Длинные тени деревьев и фонарных столбов пересекали тропинку, протоптанную в сугробах. Снег падал на город с раннего утра до вечера, и коммунальщики едва-едва успели избавиться от заносов центральные улицы, а дворники прочистили лишь узкие пешеходные дорожки на тротуарах. До подобных закоулков руки не дошли ни у тех, ни у других.

Яркая вспышка и следом резкий хлопок за ближними гаражами заставили женщину вздрогнуть и на мгновение остановиться. Видно, мальчишки разминались перед Новым годом: пугали прохожих, взрывая петарды.

— Черт! — выругалась она. — Будь вы неладны, шпана малолетняя!

И поспешила дальше.

На детской площадке перед ее домом несколько дней назад установили елку, украсили цветными лампочками и бумажными гирляндами, залили каток. Вечерами там было светло и шумно. Детвора и взрослые катались на коньках, а из динамиков лилась веселая музыка.

Но настроение у припозднившейся женщины было совсем не праздничным, несмотря на щедрую годовую премию, малую часть которой она успела потратить на разные прият-

ности, давно присмотренные в бутиках. Правда, для этого пришлось сбежать с работы под видом совещания в областной администрации. Но, завершив покупки, она к концу рабочего дня честно вернулась в кабинет, хотя мечтала скорее добраться домой и снова примерить обновки. Вместо этого она завершила все дела, чтобы с чистой совестью уйти на новогодние праздники. Правда, припозднилась слегка, но предупредила домашних, что задержится. И уже предвкушала, как обрадуются подаркам муж и сын. Все-все складывалось отлично! И, ко всему прочему, почти получилось выбросить из головы вчерашнее происшествие, и если бы не звонок, который настиг ее на пороге...

Она и представить не могла, что он позвонит на служебный телефон. Значит, воспользовался визиткой, которую, не подумав, оставила ему при случайной встрече на одном из совещаний...

«Какая мерзость!» — Она передернулась от отвращения, вспомнив, как накануне пыталась смыть под горячим душем липкие прикосновения неопрятного мужчины с запахом старого перегара изо рта. Красное от возжеления лицо, слипшиеся, давно невымытые волосы, влажные от пота руки... Как этот гнусный тип осмелился допустить, что его жалкий лепет и оправдания заставят ее вернуться?

Только она и сама хороша, конечно! Почему так бездарно прокололась, когда тем и славилась в фонде, что видела каждого посетителя насквозь и чувствовала, чем он дышит еще на подлете к кабинету? Повелась, как юная гимназистка, на дешевую лесть и заезженные комплименты?

А ведь поначалу все складывалось вполне цивильно. Легкий разговор, чашечка зеленого чая... Правда, взгляд хозяина ей сразу не понравился. Скользкий, оценивающий взгляд... Но в его глаза, круглые, с толстыми веками, и слегка выпуклые, как у диабетиков, она старалась не смотреть.

И он вел себя вполне пристойно, вольностей не позволял, скабрзности не говорил, но в третий ее визит без обиняков предложил раздеться. Совсем! Она вскочила со стула, возмутилась, бросилась в прихожую. А он норовил удержать, бормотал какую-то чушь, затем стал грубо хватать за руки, плечи, больно стиснул грудь, и тогда она наотмашь ударила его, разбила нос...

— И на старуху бывает проруха! — Женщина вздохнула и вдруг рассмеялась. — Проруха! Забавное слово!

Синусоида настроения пошла вверх. В конце концов, ничего страшного не произошло. Подумаешь, облапали! Чай, не впервой! Случалось и хуже, но ведь терпела и унижения и обиды. Тогда, в молодости, когда недели не проходило, чтобы начальник не вызывал к себе под вечер «с отчетом». Господи, как давно это было, а она до сих пор помнила его тяжелое сопение, мокрые губы и цепкие пальцы...

Уже слышна была музыка с катка, впереди завиднелись огни елки. Значит, совсем рядом дом, теплая и уютная квартира, где ее ждали муж и сынишка...

Она прибавила шаг, чтобы проскочить арку — низкий и мрачный тоннель — вход во двор, в котором частенько крутились бомжи, наркоманы и дворовая пьянь. Зимой здесь завывали на все лады сквозняки, и желавших проводить время в зловонной трубе находилось немного. Но каждый раз, возвращаясь домой, она старалась пробежать самый темный участок пути как можно быстрее.

Телефон запиликал, когда она почти достигла выхода из арки. Женщина достала трубку из кармана. Неужто подлец узнал номер ее мобильного? Она раздраженно глянула на экран, и губы невольно расплылись в улыбке. Сын беспокоится! Попыталась нажать кнопку, чтобы ответить, но аппарат выскользнул из пальцев, обтянутых задубевшей на морозе кожаной перчаткой, и свалился в сугроб.

— Зараза! — вскрикнула женщина.

Она наклонилась, поставила сумки у ног, выудила из снега успевший замолчать телефон и открыла список входящих звонков.

Свет дворовых фонарей впереди погас, закрытый чьей-то спиной. Под чужими ногами захрустел, как хворост, снег.

Женщина вскинула голову и задохнулась от ужаса, когда черная тень ринулась на нее. Она успела подхватить сумки и, пытаясь защитить себя от удара, прижала их к груди, отшатнулась к стене и даже заметила — что-то блеснуло в руке незнакомца. И следом — пронзительная боль, полоснувшая по лицу раз-другой, более сильная, более жуткая, чем страх. Боль отключила сознание, повалила на снег. И женщина уже не чувствовала новых ударов, которые кромсали, резали ее плоть...

И только теплая кровь долго не желала остывать и даже слегка растопила багровый снег под лежавшим навзничь женским телом...

Глава 1

Никита вылетел из кабинета главного редактора, как мечом рассек надвое толпу коллег, нервно роившихся у двери приемной, и быстрым шагом, почти бегом, направился к выходу из редакции. Глаза его метали молнии, на щеках выступили красные пятна, а на скулах — желваки. В таком состоянии его видели редко, и поэтому коллеги быстро убрались подальше от поля боя, которое только что покинул Никита Шмелев. Конечно, каждому хотелось знать, что произошло там, за тяжелой дверью. И каждый, смекая, втайне радовался, что участь Шмелева его пока миновала.

Пару месяцев редакцию будоражили слухи о неминуемых сокращениях. Сотрудники притихли, приобрели потерянный вид, по редакции передвигались бочком и на цыпочках, а переговаривались почти замогильным шепотом.

Одни, самые нервные, терзали расспросами секретаря редактора, но она знала ровно столько же, сколько и весь коллектив. Другие, кто исподволь, кто открыто, лстили и подлизывались к начальству. Третьи же утешали себя, что волна сокращений коснется не журналистов, а, скажем, технического персонала, к примеру наборщиков. И в самом деле, зачем они нужны, если каждый журналист владеет компьютером и в состоянии напечатать любой текст?

На пике этих слухов валерьянкой отпаивали уже наборный цех. Следом стали переживать верстальщики, фальцовщики, уборщицы. То и дело в курилке слышались, чуть ли не

апокалипсические прогнозы и робкие еще проклятия в адрес шефа. Но все втихую, и журналисты и технари, подыскивали новую работу, хотя разгуляться особо было негде. На всех хлебных местах в городе давно и прочно сидели другие репортеры и другие верстальщики.

Гром грянул, откуда не ждали. Первым, кого решили сократить в редакции, оказался самый высокооплачиваемый, известный на всю область криминальный репортер.

— Уж если его выгнали, нам совсем хана! — мрачно заметила корреспондент отдела экономических новостей, проводив взглядом Никиту, который промчался мимо. — Шмелева хотя бы читали. Считай, кранты рейтингу без его расследований. — И повернулась к коллегам из отдела культуры. — Ой, девки, чует мое сердце, выкинут нас на улицу, как котят! Или зарплату срежут! Как дальше жить? У меня два кредита...

Догонять Никиту и тем более открыто сочувствовать ему никто не отважился. Теперь, когда внезапно попавший в опалу репортер покинул здание, притихшие от страха коллеги расползлись по своим углам, размышляя о собственной незавидной судьбе. Что касается Никиты, который направился к своему «Фольксвагену», то его мысли были мрачнее некуда!

И что теперь? Куда деваться?

По большому счету ехать Никите никуда не хотелось. Можно, конечно, вернуться домой, завалиться на диван и немножко «пострадать», как иногда с ним случалось. В трудные минуты Никита старался уединиться, забиться в щель и пережить приступы отчаяния и тревоги, не вынося их на всеобщее обозрение. Но сегодня кроме разочарования в нем плескалась ярость, которая требовала выхода. Нужно было приглушить ее немедленно, иначе вырвется наружу, и тогда все пропало. Под раздачу мог попасть кто угодно, от сотрудника ДПС до официанта. Тут Никита вспомнил, что с утра не успел позавтракать, и припарко-

вался у кафе. Хороший обед смог бы придавить каменную жабу, которая вольготно разлеглась у него на сердце. Но, выйдя из машины, Никита наткнулся взглядом на «Тойоту» со знакомыми номерами.

— Судьба! — хмыкнул он и быстро взбежал по ступенькам.

Оставив короткий пуховик в гардеробе, Никита пригладил вечно торчавшие вихры и вошел в зал. В кафе было малоллюдно, но за дальним столиком сидела Юлия Быстрова, с отрешенным видом смотрела в окно и ковыряла ложечкой пирожное.

Никита глянул в том же направлении. Пейзаж за стеклом был не просто унылым, он был удручающим. Серое небо, серые деревья, серый снег на обочинах... И люди, которые спешили по своим делам, все, как один, с серыми усталыми лицами. И даже вороны — горластые, с взъерошенными перьями, почти не отличались от чумазых голубей, обсевших люки теплотрассы в надежде погреться. Лишь автомобили были разных цветов, но и те помутнели среди всеобщей серости...

Недолго думая, он подошел и без лишних церемоний уселся за стол.

— Привет!

Юля косо глянула и небрежно подтолкнула к нему папку с меню.

— С чего вдруг кисляк на лице? — спросила она.

Никита дернул плечом и, не глядя в меню, буркнул официантке:

— Солянку, блинчики с мясом, кофе.

— Какой соус к блинчикам? — осведомилась та.

— Сметана с зеленью, — ответил Никита и перевел хмурый взгляд на Юлю.

Быстрова заметно повеселела:

— В тебе так пробиваются барские замашки. Вон как с девушкой суров! Знай, челядь, свое место! Барин приехал!

— Угу! — мрачно кивнул Никита. — Побарствую напоследок. Поздравь, сегодня Аскарлов вручил мне первому письмо счастья — приказ о сокращении. Зарплату за два месяца еще заплатят, отпускные за проработанное время, а потом — на биржу.

Юля подскочила на стуле и ахнула так, что мужчины за соседним столиком обернулись в недоумении.

— Как это, сократили? — воскликнула она. — Тебя? Но это невозможно! У них же газета мигом сдохнет!

— Меня! — сокрушенно ответил Никита. — Вот такая у нас текучка! Ой, какая страшная у нас текучка! А газета и со мной сдохла бы, но чуть позже, конечно!

— Погоди! — медленно сказала Юля. — Не верю! Слишком все просто получается! Они ж не дураки, чтобы так безответственно и недальновидно оголять одно из стратегических направлений? Наверняка кому-то пообещали твое место! Позволь поинтересоваться кому?

— Аньке Лужиной, — нехотя ответил Никита и вздохнул, заметив, что Юля недоуменно подняла бровь. — Она на светской хронике сидела. Теперь с тем же успехом перейдет на криминал. Ну и с шефом будет попутно блудить.

— Как незатасканно и глубоко символично! — фыркнула Юля. — Юная львица строит карьеру через постель. Представляю, как она выедет на труп и после живописует преступление. Умора! Миронов удавится! Я ведь даже ее светских репортажей не помню.

— Какие там репортажи? — скривился Шмелев. — Ходила по выставкам, мелким тусовкам, писала с гулькин нос... «К нам приехал этот, от нас уехал тот...» «В ДК прошла выставка картин самобытного художника...» «В Доме творчества состоялся концерт балалаечников...» Ты, к примеру, бываешь на концертах балалаечников?

Подошла официантка, расставила на столе тарелки с едой, пожелала приятного аппетита и удалилась. Юля снова принялась ковырять пирожное, видно, не решалась продолжить разговор, пока Никита не насытится. А тот машинально поглощал солянку, и глаза его мрачно поблескивали в надвигавшихся на город ранних сумерках.

— Да-а-а! — наконец протянула Юля. — Веселенькая картинка!

— Не то слово! Ты права, пропала газета. Теперь всю полосу отдадут под ментовские пресс-релизы, а ты ведь помнишь, как они пишутся. Вон вчера прислали: «Автомобили, которые моются у водозаборных колонок, не представляют, что их владельцы нарушают общественный порядок». Каков стиль? А слог каков? Оценила? Кстати, Аскарлов поначалу вообще не хотел Аньку на работу брать. Но кто-то за нее подсутился, надавил. Сидела на мизерном окладе, вела полосу для тинейджеров, затем переползла на культуру. И вдруг — бац! Мне — пинок под зад, а ей — мое место.

— Где же она Аскарлову подмазала?

— Накануне Рождества собиралась важная туса у мэра, — нехотя сказал Никита. — Гуляли сливки общества. Сильно сомневаюсь, что Анька получила приглашение, но все же какими-то путями туда проникла. Жанка, ну ты помнишь ее, из пресс-службы мэра, мне потом шепнула, что пьяный в сиську Аскарлов обжимал Аньку на лестнице. А ты его знаешь...

— Кто бы сомневался! — ухмыльнулась Юля. — Этот мачо трахает все, что шевелится. Лет пять назад и ко мне клинья подбивал.

— И что? — Никита поперхнулся солянкой. — Отдалась на пожарном ящике с песком?

— Еще чего? Получил по мордасам. Во-первых, я была уже на тот момент замужем. Во-вторых, я не строю карьеру через секс с мерзкими типами. А твой Аскарлов, кстати, не

просто мерзавец, а подлая, продажная тварь. Помнишь, как звонко распевал дифирамбы, когда тебе вручали премию «Свободная пресса»? Ведь и месяца не прошло!

Она сжала пальцами виски и устала на Никиту исподлобья.

— И все-таки не пойму, как можно подставить под серьезный удар газету из-за девки, которой цена — копейка, и то в базарный день? Кто будет читать пресс-релизы вместо блестящих репортажей?

— Зато Аскарлов понимает! — Никита расправился с солянкой, отодвинул тарелку в сторону и принялся терзать ножом и вилок толстый блин, залитый сметаной и припорошенный укропом и петрушкой.

— Знаешь, что он пообещал напоследок? Поставить в номер любой горячий материал, который я раскопаю. То есть решил скинуть меня на гонорары. А еще робко попросил слегка натаскать его ляльку. «Ах, ах, Никитушка! Сдал бы ты Аняте свои связи! Она ж молода и неопытна, девочке надо учиться! А я уж отблагодарю! Ты меня знаешь!»

— Брависсимо! — хлопнула в ладоши Юля. — Выходит, оклад, медицинскую страховку, премиальные получит эта деваха, а пахать будешь ты? За жирный кукиш? Плюс, как собачонку, должен натаскать ее на дичь? И что ж ты ему ответил?

— Ответил, что облезут! — невнятно пробурчал Никита, потому что затолкал в рот большую часть блина. — Вместе с Анечкой! Я десять лет эти связи наработывал, мелким бесом крутился, низко кланялся, лебезил, где-то врал, где-то платил. А теперь должен за просто так отдать? С какого перепуга, спрашивается? Меня что, кремировали и прах по ветру развеяли? Нет, я жив, здоров, и эти связи еще как самому понадобятся!

Юля терпеливо выслушала страстный монолог приятеля. Похоже, он ничего не прояснил.

— Все равно не понимаю! — пожалала она плечами. — Аскарков мог бы спокойно найти себе девку на стороне без заморочек...

— Какие заморочки? Анька будет получать в два раза меньше. Плюс регулярно исполнять упражнение на бревне. Газеты медленно, но верно умирают, с Интернетом бесполезно сражаться. Аскарков пытается экономить...

— На лучших людях? — недоверчиво прищурилась Юля. — Не верю! Сдается мне, не в Аньке тут причина и не в экономии! У вас там добрая дюжина бездельников отирается, кого можно сократить без особых потерь. Даю голову на отсечение, кто-то явно поспособствовал твоему уходу! Скажи честно, кому из учредителей или рекламодателей ты прищемил яйца?

— Не, учредители — табу. Это — священные коровы, кто их тронет, тот три дня не проживет, а вот рекламодатели... — Никита возвел очи горе. — Может, и цапнул кого, их ведь тьма-тьмущая, всех не упомнишь. Но последние полгода ни с кем не судился и угрожать особо никто не угрожал!

— А скажи-ка, друг-сосиска, ты, случайно, с этой Аней не спал?

Никита завилал взглядом. Юля откинулась на спинку стула и с довольным видом произнесла:

— Вот тебе и ответ!

— Да ладно! Мы ж всего разок-другой, — возмутился Никита и досадливо поморщился. — Ты права! Утаить что-то в нашем курятнике невозможно. Но сводить счета из-за девки все-таки моветон, *ma chérie!*¹ Do you understand?²

— Андестэнд, андестэнд! — усмехнулась Юля. — Тоже мне полиглот! — И задумчиво молвила: — Все-таки вариант с любовницей пока для тебя лучший!

¹ Моя дорогая (*фр.*).

² Ты понимаешь? (*англ.*)